

ПУШКИН И О ПУШКИНЕ

I

Новый архив А. С. Пушкина

В феврале текущего года государственный архивный фонд Союза ССР обогатился вновь открытым архивом хозяйственных и семейных бумаг Пушкина, в совокупности составляющих сто документов.

Хозяйственные и семейные бумаги А. С. Пушкина находились в кабинете поэта во время его кончины; после смерти были опечатаны вместе с творческими рукописями Пушкина, затем уложены и перевезены на квартиру В. А. Жуковского. Всего на квартиру Жуковского было перевезено два сундука. В феврале 1837 года содержимое сундуков было просмотрено Дубельтом и Жуковским. Документы вновь найденного архива, надо думать, были отнесены при разборе к разделам «письма разных лиц» (№№ 22 и 23), «денежные счета» (№№ 24 и 25) и «деловые бумаги» (№ 26), которые обозначены в протоколе по разбору бумаг Пушкина от 9 и 10 февраля. В протоколе от 15, 16 и 17 февраля среди просмотренных писем к Пушкину значатся письма Калашникова, имеющиеся в нашем архиве («Дела III Отделения... об А. С. Пушкине», 1906, стр. 189 и 190). Так как главным образом интерес вызывали собственные рукописи Пушкина, то семейные и хозяйственные документы были оставлены семье поэта без особого просмотра.¹ Оставались эти бумаги под спудом свыше десяти лет. В 1849—1850 годах

¹ Часть их, впрочем, уже в то время отбилась и осталась на руках Жуковского, а впоследствии перешла в парижский музей Онегина (ныне хранится в Институте русской литературы Академии Наук). Это бумаги XVIII века, преимущественно по Болдину и Кистеневу, находившиеся во владении Л. А. Пушкина, деда поэта, — всего двенадцать документов, вложенных в старый кожаный переплет. (Описаны Б. Л. Молдавским, — см. «Пушкин и его современники», в. XII, стр. 39—41).

они были в руках П. В. Анненкова; Анненков вспоминал: «Ланская, по первому мужу Пушкина. . . обратилась ко мне за советом и прислала на дом к нам два сундука его бумаг. При первом взгляде на бумаги я увидал, какие сокровища еще в них таятся» (Б. Модзалевский, «Пушкин», «Прибой» 1929, стр. 284—285). Анненков, использовавший для своего издания сочинений Пушкина манускрипты поэта, вряд ли, однако, вникал в хозяйственный его архив. Архив этот оставался неизученным.

Дальнейшая судьба части этого архива связана с библиотекой Пушкина и стоит особняком от творческих рукописей поэта, переданных в рукописное отделение Румянцевского музея сыном поэта, Александром Александровичем Пушкиным, в 1880 году. Возможно, что некоторое время вместе с книгами хозяйственный архив находился в подвалах казарм л.-гв. Конного полка (которым второй муж Н. Н. Пушкиной, П. П. Ланской, командовал в 1844—1853 годах); затем архив вместе с библиотекой А. С. Пушкина был перевезен в имение Пушкиных — Ивановское, Бронницкого уезда Московской губернии. (Ср. «Пушкин и его современники», в. IX—X, стр. XI). Когда А. А. Пушкин вновь поступил на военную службу в 1866 году, то часть вещей его была перевезена в соседнее имение при с. Лопасне, принадлежавшее Николаю Николаевичу Васильчикову, двоюродному брату первой жены А. А. Пушкина, Софии Александровны Ланской. В начале 1890-х годов А. А. Пушкин передал библиотеку своему старшему сыну, Александру Александровичу, который взял ее обратно в Ивановское. Перед перевозкой внуки и внучки А. С. Пушкина раскрыли ящики, проветрили книги и вновь их уложили, но ящик с бумагами не был найден и оставлен в Лопасне. (Сведения — из письма Г. А. Пушкина П. С. Попову от 23 октября 1932 года). Между тем в 1900 году библиотека была перевезена в Петербург и в 1906 году приобретена казной для Пушкинского Дома; бумаги же оставались безвестными и забытыми в Лопасне. В 1917 году семья внука поэта, Григория Александровича Пушкина, решила из Москвы переехать в Лопасненскую усадьбу, где в то время проживали дочери Ивана Николаевича Гончарова, племянницы Н. Н. Васильчикова. При обмене помещениями и связанном с ним разборе вещей Наталья Ивановна Гончарова (племянница Натальи Николаевны Пушкиной) обратила внимание на исписанные листы, которыми была устлана клетка с канарейкой, висевшая в усадьбе. Г. А. Пушкин, убедившись, что бумага исписана рукой деда, стал

искать, откуда растаскивались эти листы; тогда только и был обнаружен в кладовой затерявшийся ящик, оказавшийся в уже раскрытом виде, с бумагами, погрызанными мышами, и очевидно было, что часть их уже уничтожена. Основным ядром этих бумаг оказались выписки А. С. Пушкина для истории Петра I. Г. А. Пушкин решил их издать и передал в издательство бр. Салаевых вместе с другими найденными в ящике бумагами. Для редактирования был приглашен П. Е. Щеголев. В руках последнего, как свидетельствует Г. А. Пушкин, и остались эти, касающиеся приготовления истории Петра I, бумаги после того как издательство бр. Салаевых было национализировано. Оригиналы эти (всего 22 тетради) в настоящее время находятся в Институте русской литературы (ИРЛИ) при Академии Наук в Ленинграде.¹ Вместе с этими рукописями Пушкина на руках Щеголева осталась пачка бумаг хозяйственного содержания, счетов А. С. Пушкина, шестьдесят писем к поэту и т. п. Часть этих документов была опубликована Щеголевым в его книге «Пушкин и мужики», «Федерация», М. 1928, без указания на источник их происхождения; другая часть оставшихся у Щеголева документов (шестьдесят писем к поэту, несколько его векселей и т. п.) за смертью Щеголева подготавливается к печати Ю. Г. Оксманом для книги «Будни Пушкина».

Кроме бумаг, находившихся в забытом в Лопасне ящике, в распоряжении Г. А. Пушкина оставались другие хозяйственные документы архива А. С. Пушкина. Они хранились у его отца, Александра Александровича Пушкина, и находились в особом портфеле. Уже после смерти А. А. Пушкина его вторая жена, Мария Александровна Пушкина, рожд. Павлова, в начале 1917 года передала Г. А. Пушкину этот портфель в Москве. Г. А. Пушкин увез его в Лопасню. В 1928 году он подарил девять документов из пачки бумаг этого портфеля В. С. Нечаевой. Два документа опубликованы В. С. Нечаевой в «Красном архиве» 1928, т. XXVIII, и в «Литературной газете» 1931, № 30 от 5 июня. В публикациях оговорено происхождение этих документов. Опубликованные оригиналы хранятся в ИРЛИ. Остальные семь документов (несколько писем к А. С. Пушкину, в том числе «незаконной» дочери В. Л. Пушкина, Маргариты Безобразовой, заявления и проч.) подготовлены В. С. Нечаевой

¹ Подробнее об этих автографах см. в статье пишущего эти строки «Пушкин в работе над историей Петра» (в одном из ближайших номеров «Литературного наследства»).

к печати для «Литературного наследства». После того как Г. А. Пушкиным из портфеля была вынута эта незначительная часть архива, портфель с содержимым куда-то завалился и считался утерянным. Обнаружен он был в темной кладовой за шкапом в 1930 году, когда Пушкины, желая дать образование своему сыну, правнуку поэта, Григорию Григорьевичу, выехали из Лопасни за четырнадцать верст в совхоз «Новый быт» (Давыдково), где находится сельскохозяйственный техникум. По переезде в совхоз портфель вновь затерялся и был обнаружен Г. А. Пушкиным снова, когда вся семья решила вернуться обратно в Лопасню, что произошло в октябре 1932 года. Перед выездом из «Нового быта» портфель нашелся на дне сундука.

1 февраля 1933 года Г. А. Пушкин, захватив с собою из Лопасни найденные документы из портфеля, перевез их в Москву и передал пишущему эти строки. На следующий день архив был просмотрен совместно с М. А. Цявловским, а 7 февраля в заседании Фондовой комиссии по организации Центрального литературного музея было постановлено приобрести этот архив для музея. Тогда же было выдвинуто предложение В. Д. Бонч-Бруевичем опубликовать полностью содержимое архива, посвятив ему первый выпуск нового органа «Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики» «Летопись». Редакторами выпуска являются М. А. Цявловский и П. С. Полов.

Цель настоящего краткого очерка — дать описание приобретенного архива. Он распадается на две главных части: бумаги хозяйственные и семейные. К этим двум отделам примыкают три рукописи, использованные А. С. Пушкиным для своих произведений.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ БУМАГИ

1. Автограф А. С. Пушкина. Расчет долгов С. Л. и Л. С. Пушкиных, недоимок и платежей. Карандашом на четвертке писчего листа.

Автограф следует отнести к апрелю-июлю 1834 года. Листок этот по содержанию примыкает к двум напечатанным денежным расчетам: справке о долгах в сопровождении письма Соболевского с пометой А. С. Пушкина, включающей дату 19 июля 1834 года («Красный архив», № 28, стр. 232—234), и денежным выкладкам в письмо А. С. Пушкина к зятю Павлищеву от 4 мая 1834 года («Переписка», т. III, стр. 111); во всех трех документах, в том числе и во вновь найденном, повторяются те же цифры.

Кроме данного автографа, в хозяйственном архиве А. С. Пушкина имеются четыре автографических записи поэта на оборотах четырех писем к нему: Калашникова (от 19 октября 1831, от 15 марта 1832 и от 19 декабря 1833 года) и Пеньковского (от 15 января 1835); наиболее существенной является вторая запись, представляющая собою роспись произведений и сборников стихотворений Пушкина с подсчетом листов.

Воспроизводим эту автографическую запись целиком:

Русл[анъ и Людмила]	9	
Кавк[азскій плѣнникъ]	4	
Бр[атья разбойники]	1	
Бахч[исарайскій фонтанъ]	4	12
Стих[отворенія]	37	
Полт[ава]	6	
Бор[ись Годуновъ]	10	
Онѣг[инъ]	15	
	—	100
		86
		8
		4
		800
		—
		90

В этой записи, писанной не ранее апреля 1833 года и, вероятно, не позднее конца этого года, Пушкин произвел подсчет семи своих произведений и трех сборников стихотворений в полнстом исчислении. Известен ряд списков Пушкина своих произведений. Все эти записи и планы изданий собраны вместе и публикуются М. А. Цявловским и Л. Б. Модзалевским в книге «Рукою Пушкина». Среди них есть планы с подсчетом числа стихов, с проставленными ценами, но неизвестен ни один список с подсчетом листов. Подсчет листов в нашем автографе соответствует следующим изданиям произведений Пушкина, вышедшим до апреля 1833 года: «Руслан и Людмила» изд. 1828 г. — XVI + 160 стр.; «Кавказский пленник» изд. 1828 г. — 60 стр.; «Братья разбойники» изд. 1827 г. — 16 стр.; «Бахчисарайский фонтан» изд. 1830 г. — 4 нен. + 46 стр. Три части Стихотворений Пушкина изд. 1829—1832 гг. — 224 + 176 + 209 стр.; «Полтава» изд. 1829 г. — 4 нен. + 92 стр.; «Евгений Онегин» изд. 1825—1832 гг. — 60 + 42 + 51 + 92 + 48 + 57 + 51 = 401 стр. Цифры Пушкина повсюду более или менее соответствуют числу листов, считая их по 16 страниц, если иметь в виду количество страниц изданий, приведенных выше. Лишь в отношении «Евгения Онегина»

Пушкин, повидимому, описался, проставив 15 вместо 25 (400 : 16 = 25).

2. Письмо Ольги Михайловны Ключаревой А. С. Пушкину от 11 января 1833 года. По этому письму впервые в пушкиноведении устанавливается фамилия по мужу возлюбленной крестьянки Пушкина. До сих пор было известно одно письмо О. М. Ключаревой к А. С. Пушкину, опубликованное Щеголевым; это последнее письмо — от 21 февраля 1833 года. Вновь найденное письмо ему предшествует, примыкая к нему по содержанию. Письмо писано рукой мужа Ольги Михайловны; это письмо имел в виду Пушкин, назвав письма Ключаревой «кудрявыми» (см. П. Е. Щеголев, «Пушкин и мужики», стр. 107). Тема письма — денежная; Ключарева просит две тысячи рублей, чтобы выкупить пятнадцать заложённых крестьян, принадлежащих Ключаревым; если крестьяне будут проданы с аукциона, то «совершенно буду без куска хлеба», пишет Ключарева. Деньги Пушкиным посланы не были.

3 — 17. Пятнадцать писем управляющего Михаила Ивановича Калашникова, отца возлюбленной Пушкина. Одно письмо адресовано к дяде поэта, Василию Львовичу Пушкину (1819); четырнадцать писем обращены к А. С. Пушкину, охватывая период с 1831 по декабрь 1836 года. На трех письмах записи рукой Пушкина. В пушкиноведении доныне были известны лишь три письма М. И. Калашникова к А. С. Пушкину; два из них опубликованы И. Л. Поливановым в журнале «Искусство» за 1923 год, № 1, третье — воспроизведено факсимально Щеголевым. (Подлинник дефектный; текст связного чтения не дает).

Письма Калашникова писаны двумя почерками: писарским и собственноручно. Письма в ряде случаев распадаются на две части: официальную — тут даются сведения об имении, об уплате долгов, поступлении оброков — и неофициальную, обычно писанную рукой самого Калашникова. Письма чрезвычайно интересны в обеих своих половинах, — по донесениям управляющего мы получаем весьма конкретную картину крепостного хозяйства Пушкина, с другой стороны, Калашников был связан с Пушкиным в деле судьбы своей дочери, возлюбленной поэта. Из одного письма мы узнаем о замужестве Калашниковой. 19 октября 1831 года Калашников писал так: «Милостивый Государь Александръ Сергеевичъ. Зная ваши великіе милости не замедлю какъ предъ богомъ и васъ благодарить. Слава богу, Судба хотя свеликимъ трудомъ кончина моей дочери. Сего октября 18 числа повенчали, титу-

лярной Советникъ Ключаревъ иесть душъ 30 крестьянъ в Горбатовскомъ уезде, аныне служить в Лукоянове вземскомъ Суде заседателемъ дворянскимъ».

Надо думать, что Пушкин дал денег на свадьбу своей бывшей возлюбленной, за что и благодарит Калашников.

18—46. Двадцать девять писем управляющего села Болдина, Иосифа Матвеевича Пеньковского (письма обнимают период с декабря 1833 по 28 апреля 1836 года); пятнадцать писем — на имя отца поэта, Сергея Львовича Пушкина; тринадцать писем обращены к А. С. Пушкину; одно письмо без обращения, озаглавлено «Изобличенные воры». На одном из писем исчисление рукой Пушкина.

Донныне в пушкиноведении были известны четыре записки поэта к Пеньковскому; ни одного письма Пеньковского к поэту наука не знала.

Письма писаны рукой самого Пеньковского; все они — хозяйственного содержания; в сопоставлении с известными письмами Пушкина к Пеньковскому они отчетливо характеризуют цепь взаимоотношений помещика и доверенного по вопросу о ведении дел по имению. Одно письмо выходит по содержанию за пределы простых отчетов по делам имений. Когда в 1834 году А. С. Пушкин взял на себя заботы по заведыванию именьями в связи с беспомощностью отца и в Болдине стала известна эта новость, Калашников, в виду его связи с Пушкиным, почувствовал, что теперь и на его улице праздник, и стал распространять слухи о том, что А. С. Пушкин удалит управляющего Пеньковского и власть попадет в руки Калашниковых. Встревоженный этими толками, Пеньковский писал С. Л. Пушкину 30 апреля 1834 года: «Спешу Васъ Уведомить что тогоже числа получилъ Михайло Ивановъ Сведенье изъ С-Петербурга что его сынъ Васильии вскоромъ времени приѣдетъ въ Болдино на мое место Управлять Вашимъ Именіемъ. успѣлъ Михай[ло] Ивановъ известить по всемъ дворамъ въкоторыхъ проводить время пріятное после потери своей жены. Дочь его Ольга Михай[ловна] събольшою Уверенностію утверждаетъ что она меня какъ Грязь съЛопаты съдолжности сброситъ только бы приехалъ Александръ Сергѣевичъ въ болдино тогда что она захочетъ все для нее сделаетъ Александръ Сергѣевичъ!—

после етакихъ слуховъ я просилъ Михай[ла] Ивано[ва] и его дочь дабы ожидали терпеливо такъ для нихъ радостной цели, дабы необъявляли етого Крестьянамъ, чемъ можетъ разстроить Хозяйство — некоторые избалованные Крестьянъ по родствѣ некоторыхъ обстоятельствъ с Михай[ломъ] Ива-

нов[ымъ]: которыхъ я старался понемного приучать къ трудамъ и быть полезными Господину своему — очень бы ради поступить подъ покровительство къ Михаилу Иванову — ».

Из этого же письма узнаем, что О. М. Ключарева купила себе за зиму трех крестьян: одного — мужского и двух — женского пола. Бывшая крестьянка почувствовала себя «барыней» и стала тянуться к условиям жизни дворян со свойственными этому кругу замашками власти и деспотизма. Эти черты О. М. Ключаревой опрокидывают идиллический образ, нарисованный Щеголевым, знавшим лишь одно письмо Ключаревой и давшим следующую характеристику: «Вот... голос милой, доброй девушки, оживленной лучом вдохновенья и славы Пушкина» («Пушкин и мужики», стр. 104). Образ, нарисованный Щеголевым, не находит опоры в новых документах.

Вообще выставлявшиеся донныне суждения и характеристики на тему о крепостной любви Пушкина и шире — о Пушкине как помещике, в том числе и книгу Щеголева, приходится считать неубедительными, поскольку эти высказывания исходили из слишком незначительного количества данных; во всей широте вопрос о крепостном хозяйстве Пушкина может быть поставлен лишь на основании вновь найденных документов; до настоящего времени не было достаточно материала для освещения этой актуальной темы пушкиноведения.

Любопытно последнее из сохранившихся писем Пеньковского к А. С. Пушкину (от 28 апреля 1836 года); в нем управляющий, приглашая на лето в имение С. Л. Пушкина, пишет так: «въ болдинѣ невпримѣръ меньше будетъ издержекъ, иболее, найдеть развлеченія и пріятности. Болдинскойже Домъ совсемъ въ другомъ видѣ, прошедшаго Лета выщекатурень, полы новые выкрашены, только недастаетъ мебели. Деревенская мебель нетребуетъ значительной Суммы, однимъ словомъ для житья удобенъ итепель». С. Л. Пушкин в Болдино, однако, не поехал; ср. ответное письмо А. С. Пушкина Пеньковскому от 14 июня (№ 1033, по изданию Сайтова). Помимо описания Болдинского дома письмо Пеньковского интересно тем, что выявляет хозяйственную установку А. С. Пушкина, противоположную взглядам мужа его сестры, Павлищева, смотревшего на дело так, что чем больше выкачать из мужиков денег, тем лучше. Пеньковский писал: «Предписываль мнѣ Николай Иванович [Павлищевъ] дабы уведомить его, сколько именно въ Кистеневѣ съ Вашей части собирается годоваго доходу, очемъ я уже и доносилъ — и можно ли умножить годовой доходъ. Я другаго средства неподвижу какъ только возвысить

накрестьянахъ оброкъ — это зависитъ отъ Васъ, — осемь досихъ поръ Николаю Ивановичу ничего неотвечаль». А. С. Пушкин ответил лаконично: «Оброка прибавлять не надобно» («Переписка», т. III, стр. 334).

№ 47 — 50. Четыре письма — обращения болдинских крестьян к А. С. Пушкину. Письма коллективные; относятся к 1830 году.

Первое письмо от 24 июня 1831 года. Болдинские крестьяне жалуются А. С. Пушкину на бурмистра Осипа Павлова и старосту. После смерти В. А. Пушкина подписавшиеся крестьяне перешли в распоряжение опекуна, но пишут А. С. Пушкину: «Ласкаем себя надеждою быть вашими рабами». В конце письма собственноручные подписи крестьян.

Второе письмо распадается на двенадцать пунктов; содержит жалобы на управляющего М. И. Калашникова. Без даты и подписей.

Третье письмо заключает жалобы на М. И. Калашникова. Подробно освещается вопрос о недоимках. Содержит восемь пунктов. Без даты и подписей.

Четвертое письмо содержит мотивированную жалобу на старосту Петра Петрова. В конце письма — имена жалующихся. От 25 сентября 1834 года.

Капитальное значение этих четырех коллективных крестьянских писем явствует из того, что до сих пор в пушкинской литературе было известно лишь одно письмо крестьян к Пушкину, состоящее всего из четырнадцати строк (В. Нечаева, «Письмо крестьян к Пушкину» в сборнике «Памяти П. Н. Сакулина» 1931);¹ вновь найденные письма очень детальные, — размером по четыре страницы писчего листа.

51 — 53. Счета и письмо старосты Петра Петрова А. С. Пушкину (1833). Письмо Петрова — попытка обелить себя в глазах Пушкина в связи с жалобой крестьян на него. Соответствующая жалоба сохранилась — это последний документ предшествующего раздела нашей описи. Сопоставление письма Петрова и жалобы крестьян чрезвычайно интересно. Петров получил сведения о письме крестьян, называет имена их и спешит отговорить этих лиц; но сведения Петрова не точны и существа некоторых обвинений, содержащихся в письме крестьян к Пушкину, Петров не знает.

Пушкин стал на сторону крестьян и «отрешил» от должности бурмистра Петра Петрова. (По письму Пеньковского от 15 октября 1834 года).

¹ Первоначальная публикация в «Литературной газете» 1931, № 30.

54. Письмо Ивана Ильина М. И. Калашникову (1833).

55. Копия условия, заключенного М. И. Калашниковым с купцом Черкасовым о запродаже хлеба из экономии Пушкиных (1833).

56—64. Подворные описи и ведомости; девять различных документов.

1) Опись крестьян Болдина и Кистенева с показанием, сколько на каждом семействе раскладных тяг, сколько скота и разного хлеба (от января 1834 года). Опись крестьян поименная. По Болдину мужчин было 152 человека, оброчных тяг — $103\frac{1}{2}$, рабочих — $140\frac{1}{2}$. По Кистеневу — 80 человек, тяг — $116\frac{7}{8}$. Лошадей по обоим имениям было 313; коров — 240.

2) Ведомость 1830—1831 годов о хлебе и тяглах и счет выplat В. Л. Пушкину. Составлена Елисеем Гольцовым на имя С. Л. Пушкина.

3) Ведомость оброчных сумм по Болдину и Кистеневу за 1833 и 1834 годы. Составлена управляющим Пеньковским на имя С. Л. Пушкина.

4) Ведомость прихода и расхода разного хлеба по селу Болдину с 1 ноября 1833 по 1 мая 1834 года. Составлена управляющим Пеньковским на имя А. С. Пушкина.

5) Ведомость, сколько в Болдине и Кистеневе находится душ обоего пола, с поименным перечнем по Кистеневу — части, принадлежащей А. С. Пушкину, согласно данным седьмой ревизии. (Было 200 душ мужского пола).

6) Выписка из шнуровых книг села Болдина прихода и расхода по хозяйственной части, а также по оброчным суммам части С. Л. Пушкина с. Болдина и с-ца Кистенева (1 ноября 1833 — 1 сентября 1834).

7) Ведомость числа душ с. Болдина и с-ца Кистенева по восьмой ревизии. Составлена Пеньковским.

8) Ведомость посеянного и сжатого хлеба в с-це Михайловском (Псковской губернии) за 1835—1836 годы, а также счет дохода и подсчет числа крестьян.

9) Расчет дохода с земли по количеству тяг (без даты).

Перечисленные документы — большого интереса. Они дают конкретную картину дворянского помещичьего хозяйства начала XIX века по материалам определенных поместий. Интерес, разумеется, повышается благодаря тому, что хозяйство это — Пушкиных, и по бумагам можно установить материальную базу поэта. Но помимо этого через Пушкиных мы имеем перед собой картину крепостного хозяйства дворян определенного достатка

65 — 75. Девять квитанций Опочецкого уездного казначейства с 1826 по 1830 год о поступлении государственных податей и земских повинностей с Надежды Осиповны Пушкиной (мать поэта) и Марьи Ганнибал. Квитанция, выданная Н. О. Пушкиной об отчислении на постройку в Пскове дворянского дома (1828). Расписка С. Л. Пушкину казначая Петербургского опекунского совета об удержаниях при займе 15 200 руб. на 37 лет от Сохранной казны (1834).

СЕМЕЙНЫЕ БУМАГИ

Документы XVIII века

76. Копия, выданная Государственной вотчинной коллегией, заключающая выписи о недвижимых имениях артиллерии подпоручика Л. А. Пушкина с писцовых и межевых книг. Составлена в 1755 году. Все выписи официально засвидетельствованы. Переплетенная тетрадь; текст на 20 лл.

Выписи касаются владений Пушкиных по трем уездам: Дмитровскому, Рязанскому и Московскому (деревня Ракова с прилегающими землями), с подробным исчислением всех угодий и указанием размера их. Эти выписи вносят неизвестные доселе в пушкиноведении сведения об имущественном положении и имениях следующих лиц родословной А. С. Пушкина: Гавриила Григорьевича Слепого (XVI в.), Федора Семеновича (начало XVII в.), Григория Гавриловича Косого (XVII в.), Степана Гавриловича (XVII в.), Федора Федоровича Сухорука (XVII в.), Федора Тимофеевича (XVII в.), Матвея Степановича (XVII в.), Ивана Федоровича Шиша (XVII в.), Петра Петровича (XVII в.), Ивана Ивановича и Федора Ивановича (XVII в.), Александра Петровича (XVIII в.) и Льва Александровича, деда поэта. Сведений этих нет в родословной росписи Пушкиных, составленной Б. Л. Модзалевским и М. В. Муравьевым (издано Академией Наук на правах рукописи, Л. 1932; ср. след. номера этой родословной росписи: 196, 198, 226, 227, 229, 234, 255, 258, 262, 294, 295, 331 и 342). Новые данные нашей тетради выписок, кроме того, попутно дают некоторые неизвестные биографические даты лиц рода Пушкина, например, смерти бездетного Федора Ивановича (по росписи № 295).

77. Купчая прапрадеда А. С. Пушкина, В. И. Приклонского, на пашенную землю деревни Жестелевой в Березопольском стане Нижегородского уезда (1703).

78. Крепость В. И. Приклонского на землю деревни Выползовой Нижегородского уезда за долг помещиков данной деревни

Ивана и Александра Федоровичей Приклонских, внуков В. И. Приклонского (1722).

79. Прощение Естифея Семенова, старосты В. И. Чичерина, на имя имп. Анны Иоанновны об указе Государственной вотчинной коллегии о неутверждении за Василием Федоровичем Приклонским деревни Выползовой, в виду того, что данная земля перешла во владение Василия Ивановича Приклонского (1733).

80. Купчая Василия Ивановича Чичерина, прадеда поэта, на землю деревни Ушаковой Нижегородского уезда (1737).

81. Сговорная на Ольгу Васильевну Чичерину, бабу поэта, жену Льва Александровича Пушкина (1763).

82. О составе земельных угодий деда поэта, Осипа Абрамовича Ганнибала, по Опочецкому уезду Псковской губернии, по данным межевания 1786 года (6 л.).

83. Разбор дела О. А. Ганнибала о его женитьбе на Устинье Ермолаевне Толстой по материалам Псковской консистории и резолюция от 19 января 1781 года преосв. Иннокентия о расторжении брака и наложении на Ганнибала семилетней эпитимьи (на 3 л.). Последняя треть документа была опубликована Михневичем («Исторический вестник» 1886 г., январь, стр. 119—120).

84 — 86. Три отпускных грамоты:

1) от имени Засевкина на девуку Аграфену, отпущенную в вотчину Андрея Тимофеевича Тютчева (1743);

2) от имени Е. А. Нарышкиной (1752);

3) от имени М. Ф. Каменского — отпущена была девица Анисья в замужество за крестьянина, принадлежавшего Л. А. Пушкину (1780).

Документы XIX века

87. Копия постановления Лукояновского уездного суда о доставшемся Елизавете Львовне Пушкиной (тетке поэта) по разделу 1795 года движимом и недвижимом имении в деревне Новоспенской, Полянке тож (выселки села Болдина), с освидетельствованием, что Е. Л. Пушкина действительно владеет 310 душами мужского и 309 душами женского пола с принадлежащею им крестьянам землею (1800). Все дело на 13 л.

В деле приведены справки и выписки о землях села Болдина и владении ими по наследственной линии, причем сведения восходят к 1619 году, когда Федору Федоровичу Пушкину «за Московское осадное сидение» дарована была вотчина в Арзамаском уезде. Дается подробная опись землям с обозначением

границ. Сведения эти по Болдину,¹ а равно по владениям Пушкиных в Алатырском уезде Симбирской губернии, уточняют и конкретизируют данные о поместьях Пушкиных по Нижегородской и Симбирской губерниям. Текст выписей вносит поправки к имеющимся сведениям, например, к характеристике местоположения дарованной в 1619 году Болдинской вотчины: «в Залеском стану за Шатовскими вороты», а не Ш а т л о в с к и м и, как ошибочно читалось доньше (ср. «Пушкины. Родословная роспись», Л. 1932, стр. 26, № 229).

88. Черновик «поступной» Василия, Сергея, Анны и Елизаветы Львовичей Пушкиных, — прошение в Московскую гражданскую палату об утверждении в полюбовном разделе доставшегося имущества после смерти О. В. Пушкиной (1802).

89. Опись земель, строений и людей, принадлежавших С. Л. Пушкину и Е. Л. Сонцовой (рожд. Пушкиной) по Лукояновскому уезду, — всего 8351 десятина (составлена после 1813 года); 2 лл.

90. Раздельная грамота об отмежевании части села Болдина коллежскому асессору В. Л. Пушкину (1817); 4 лл.

91. Отношение Псковской палаты гражданского суда в Петербургское губернское правление об отсутствии исков, — по поводу прошения Н. О. Пушкиной, касательно запрещения в связи с предположенным залогом ста душ (от июля 1816).

92. Копия удостоверения Псковской палаты гражданского суда о том, что на имени Н. О. Пушкиной и М. А. Ганнибал ареста и спора нет — для представления в опекунский совет (1817) — и текст купчей на проданную девку Н. О. Пушкиной титулярной советнице Лачиновой (1819); 2 лл.

93. Копия отношения Лугского уездного суда в Петербургскую управу благочиния по делу о взыскании с Н. О. Пушкиной 1551 руб. на удовлетворение крестьян за содержание на почтовой станции лошадей О. А. Ганнибала. Подлинник за подписью уездного судьи Белкина (1821); 2 лл.

94. Отношение опочецкого уездного предводителя дворянства псковскому губернатору о расчете, сколько поступило в выдачу Н. О. Пушкиной рекрутских привыточных денег (1831); 1 л.

95. Сговорная на Е. Л. Пушкину-Сонцову (1803); 2 лл.

Доселе не был точно известен год выхода замуж тетки Пушкина за Матвея Михайловича Сонцова.

¹ С конца XVIII века Болдинское поместье стало числиться по Лукояновскому уезду в связи с переименованием Лукоянова из села в уездный город.

96. Записка из дела о долгах на Калужском купце Иване Тихонове Усачеве и о привлечении к ответственности за оные надворного советника Афанасия Николаева Гончарова; 3 лл.

Единственный документ в нашем архиве из семейных бумаг жены А. С. Пушкина.

ДОКУМЕНТЫ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПУШКИНЫМ ДЛЯ СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

97. Копия с донесений Николаю I гр. Паскевича-Эриванского (21 лл.).

Текстом этих донесений, представляющих отчет о продвижении русских войск к Арзеруму и взятии города в 1829 году, несомненно пользовался Пушкин, когда писал «Путешествие в Арзрум». Фактическая канва военных событий в рассказе Пушкина третьей и четвертой главы «Путешествия в Арзрум» заимствована из вновь найденной рукописи. В ней пять помет: две карандашных и три чернильных (три пометы — рукой Пушкина: вставленное слово и два ссылочных знака; две — неизвестной рукой: дата и поправка). Три из этих помет отразились на тексте «Путешествия в Арзрум». В третьей главе (изд. «Красной нивы», т. IV, стр. 563) читаем: «Перед нами (противу центра) скакала турецкая конница. Граф послал против нее генерала Раевского, который повел в атаку свой Нижегородской полк». В тексте донесения Паскевича значит: «Генерал майор Раевский, которому весьма способствовало отлогое местоположение, дружно и быстро устремил отряд свой на левое крыло неприятеля, сломил оное и загнал за овраг». Слова «левое крыло» зачеркнуты неизвестной рукой и надписано «центр», в соответствии с чем у Пушкина в собственном описании стоит: «противу центра». Тремя строками ниже Пушкин поставил в копии донесения ссылочный знак, в связи с чем в рукопись вложен особый листок, указывающий на необходимость сделать вставку, в которой речь идет о действиях полковника графа Симонича. В соответствии с этой вставкой о Симониче, о котором ничего не говорится в первоначальной рукописи донесения, Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум» окончил абзац данного своего описания словами: «Два эскадрона, отделясь от полка, занеслись в своем преследовании; они были выручены полковником Симоничем» (стр. 563).

Для изучения истории писания «Путешествия в Арзрум» найденная тетрадь донесений имеет весьма важное значение;

достаточно указать, что она позволяет делать конъектуры в каноническом тексте «Путешествия в Арзрум». Так, например, в печатном тексте Пушкина читаем следующую фразу: «25 июня, в день именин государя императора в лагере нашем под стенами крепости отслушали молебен». Это — явная ошибка: именин Николая не могло быть 25 июня. Пушкин описался, заимствуя из донесения: «между тем весь корпус и обозы стянулись к Гассан Кале и 25-го числа в торжественный день рождения вашего императорского величества войска кавказские в церковном параде принесли господу богу моление» и т. д.

Пушкин сжимал описание, заимствуя его из донесений, и вместе с тем дополнял текст собственными воспоминаниями. Для того чтобы можно было сравнить тексты и наглядно видеть, как Пушкин трансформировал свой источник, помещаем параллельные тексты en regard.

Текст донесения Паскевича

В обед получил я от Мамиш Аги известие, что он застал весь народ в Арзеруме в сильном волнении, что большая часть жителей до его прибытия имели твердое намерение защищаться, но прокламация моя поколебала их. «Муллы и почетные жители благоговенно принимают предложения Ваши, — писал ко мне Мамиш-Ага, — . . . Сераскир и мятежные войска возбуждают еще в народе волнения, но Ваше слово восстанавливает спокойствие».

По утру (26-го числа) на ночлеге моем в расстоянии трех часов от Арзерума явились ко мне депутаты, один от Сераскира Капиджи Паша, другой — от народа преданный нам Мамиш-Ага.

Перед Арзерумом с восточной стороны оно возвышается гора, именуемая Топ-Даг, командующая городом и цитаделью и отстоящая от сей последней на малый пушечный выстрел. Турки построили здесь отромную батгарю. . . Наши полки стройными колоннами с музыкою со всех сторон обходили Топ-Даг, и коль скоро выказались они на воз-

Текст Пушкина
(т. IV, стр. 567—568)

Между тем, в Арзруме произошло большое смятение. Сераскир, прибежавший в город после своего поражения, распустил слух о совершенном разбитии русских. В след за ним, отпущенные пленники доставили жителям воззвание графа Паскевича. Беглецы уличили Сераскира во лжи. Вскоре узнали о быстром приближении русских. Народ стал говорить о сдаче. Сераскир и войско думали защищаться. Произошел мятеж.

В лагерь наш (26-го утром), явились депутаты от народа и Сераскира.

С восточной стороны Арзрума, на высоте Топ-Дага, находилась турецкая батарея. Полки пошли к ней, отвечая на турецкую пальбу барабанным боем и музыкою. Турки бежали, и Топ-даг был занят.

вышениях, Турки усилили пальбу с батареи, но уstraшенные безостановочным быстрым движением нашим, оставили гору и поспешили укрыться в городе, а канвой мой занял батарею сию, на которой найдено пять орудий.

... После сего победоносные войска российские внесли знамена вашего императорского величества на цитадель Арзерумскую в 6 $\frac{1}{2}$ -ю часов вечера в 27-й день Июня.

Полки наши пошли в Арзрум и 27 июня, в годовщину Полтавского сражения, в 6 часов вечера русское знамя развилось над Арзерумской цитаделью.

Точность рассказа Пушкина в приведенных отрывках опирается на первоисточник, которым пользовался поэт. Поскольку этот источник не был вскрыт, прежним исследователям приходилось гадать; так, М. О. Гершензон умозаключал: «Путешествие в Арзрум» писано, конечно, не в 1835 году, а гораздо раньше, вскоре после самой поездки. За это говорит прежде всего общий характер повествования — подробность и точность рассказа... Спустя пять или шесть лет после путешествия Пушкин не мог бы так описать его» (Гершензон, «Статьи о Пушкине» 1926, стр. 53—54). Теперь мы можем утверждать, что точность и подробность рассказа зависели от другой причины.

98. Указ Пугачёва от 13 июня 1774 года о наборе русского и башкирского войск на имя полковника Канькаева. Сургучная печать от этого документа была воспроизведена Пушкиным в первой части его «Истории Пугачевского бунта» (СПб. 1834).

99. Подорожная по указу Пугачева на имя есаула Наврузова от 13 июня 1774 года.

Оба последних указа — на русском и татарском языках; писаны рукой секретаря Дубровского. Воспроизводим второй документ факсимильно; текст его таков:

ПО УКАЗУ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ТРЕТЬЯГО ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ФЕОДОРОВИЧА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ И ПРОЧАЯ

Объявителямъ сего отправленнымъ изъ государственной военной Коллегиѣ Сымянными ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Асамонужнейшихъ делахъ Указами кнаходящимся своимкомъ старшинамъ Бахтиару Канъжаеву стоварищами Эсаулу Салиху Наврузову лежащимъ трактомъ башкирскими и русскими жителствами збудущими приемъ тремя казаками давать Мирскихъ три подводы пристойнымъ числомъ Камвою и нигде нимало недержать

воверность чего за подписанием Государственной военной коллегии присутствующей и за приложением печати дана июня 13 дня 1774 года

Иванъ Твороговъ

Секретарь Алексей Дубровскій

Повытчикъ Герасимъ Степановъ.

«Указом о самонужнейших делах» и был предшествующий документ № 99, сохранившийся в бумагах Пушкина. Он был послан Канкаеву через есаула Наврузова.

Бахтиар Каныкаев или Канкаев — выдающийся пугачевец, из мещеряков, «главный полковник». О нем — целый ряд данных в первом томе «Пугачевщины» издания Центрархива. В «Истории Пугачевского бунта» Пушкина он, однако, не упоминается. Творогов и Дубровский, составлявшие публикуемый документ (№ 99), — видные сподвижники Пугачева. Иван Алекс. Творогов — илецкий казак. Алексей Иванович Дубровский, он же Иван Степанович Трофимов, — мценский купеческий сын. О них П. Потемкин доносил Екатерине II 10 ноября 1774 года: «Первое — допрос бывшего злодейской коллегии секретаря под именем Алексея Дубровского, о котором все ближние к самозванцу сообщники объявляют, что всякое производство письменных дел, все рассылаемые пасквили сочиняемы Дубровским были. А сему верить тем паче должно, что Творогов будучи главным у злодея в коллегии, весьма прост. А допрос Дубровского, писанный собственной его рукою и точно тою, какой писаны были все лжесплетенные манифесты, доказывает ясно, что он был всех умняе». («Пугачевщина», «Центрархив» 1931, III, стр. 326).

Как известно, Пушкин писал свою «Историю Пугачевского бунта» по первоисточникам.

100. Особняком от других документов стоит любопытный автограф А. С. Пушкина, имеющий биографическое значение. Это — билет на пропуск из Тригорского в Петербург двух крепостных соседки Пушкина по имени П. А. Осиповой от 29 ноября 1825 года. Пушкин своей рукою стилизовал писарский почерк документов того времени.¹ Обращает на себя внимание, что отправка этих двух крепостных в Петербург по времени непосредственно предшествует восстанию декабристов; любо-

¹ Автографичность и стилизацию почерка Пушкина установил Л. Б. Модзалевский; к его экспертизе присоединились М. А. Цявловский, С. М. Бонди и Т. Г. Зенгер.

пытно и то, что этот документ сохранился в архиве Пушкина. Можно предполагать, что через посылаемых в Петербург крепостных Осиповой Пушкин хотел сблизиться со своими друзьями-декабристами, чтобы быть в курсе дела заговора и всех политических событий. Естественно сделать два вывода: Пушкин понимал всю серьезность момента и никого не хотел делать ответственным за свой план отправки разведчиков в Петербург, поэтому документ был написан собственноручно и, не использованный, остался у него на руках; свидетельствует этот документ и о том, что 29 ноября в Михайловском уже было известно о болезни, а может быть, и о смерти Александра I, если только дата 29 ноября не фиктивная.

Текст документа таков:

Билеть

Сей дань села Тригорскаго людямъ: Алексѣю Хохлову росту 2 арш. 4 вер. волосы темнорусыя, глаза голубыя бороду брѣть, лѣтъ 29, да Архипу Курочкину росту 2 ар. 3¹/₂ в. волосы светлорусыя, брови густыя глазомъ кривь, рябь лѣтъ 45, въ удостовѣреніе что они точно посланы отъ меня въ С.-Петербургъ по собственнымъ моимъ надобностямъ и потому прошу Господь командующихъ на заставахъ чинить имъ свободный пропускъ. сего 1825 года, Ноября 29 дня. Село Тригорское что въ Опоческомъ уѣздѣ.

Статская советница Прасковья Осипова.

Кончая словом «уѣздѣ» писано рукой Пушкина.

Павел Попов

II

„Мария Шонинг“ как этап историко-социального романа Пушкина

1

Среди загадок, столь щедро и столь прочно (ведь им уже столетие) рассыпанных в творчестве Пушкина, есть одна, разгадать которую особенно интересно и нужно в наше время. Не странно ли: Пушкин начинал писать повесть из жизни рабочих-ремесленников; герои этой повести: больной рабочий; девушка, «научившаяся ходить за больным»; бывшая служанка, торгующая рукоделиями; аукционный оценщик; бедняк-лекарь; трактирщик голого трактира; податные чиновники; несчастный инвалид с деревян-

З В Е Н Ь Я

СБОРНИКИ МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ,
ИСКУССТВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ XIX ВЕКА.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧА,
Л. Б. КАМЕНЕВА И А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

III—IV

А С А Д Е М І А
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1 9 3 4